Н. Поляков

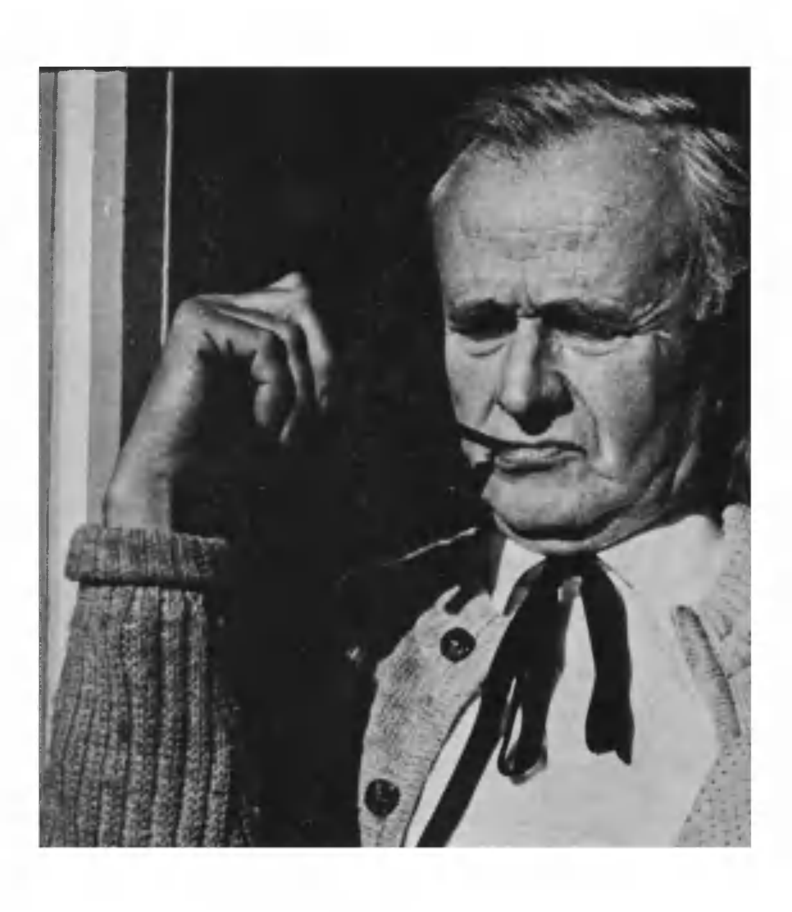
П. Поляков

VENI VIDI VALE
Пришел, увидел, прощай

Мюнхен, 1972

Herausgeber: I. Baschkirzew Verlag. 8 München 50,
Peter-Müller-Str. 43.

Gesamtherstellung: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Баварским внукам моим:
Клаузу, Сергею, Сузи, Александру

ПРОЩАНЬЕ

Мои станишники лежат,
Давно в сырой земле зарыты.
Заглохли песни. Не звенят
Лугами конские копыта.
Собрались в Ялте, да, на пир,
Ослы и дьяволы совместно,
И он погиб — казачий мир,
Чтобы вовеки не воскреснуть.
И ставя памятник ему
И Славе в Поле отгремевшей,
Пойду я к Богу моему
С душой от боли онемевшей.
Не скажет мне ни слова Он,
Лицо своё в ладонях кроя . . .
И лишь Христа повторный стон
Напомнит мне кровавый Дон,
Мое отчаянье земное.

БАВАРСКАЯ ПЕСНЯ

С мыслью этой надо примириться
И себе потвёрже втолковать,
Что моей Берёзовской станицы
В жизни мне вовек не увидать.

И поняв, что улетели годы,
И что дней ушедших не вернуть,
Покорясь велениям природы
Подседлать на безвозвратный путь.

Дон-отец, ты кровью захлебнулся,
Так прими ж последний мой привет,
Над тобой зарницею взметнулся
Вольной-воли догоревший свет.

ДОН НЕТЛЕННЫЙ

Дон Нетленный. Дон небесный.
Там очищены могилой,
Стали наши строем тесным,
Войском грозным, бестелесным,
Ратью Божьей. Божьей Силой.
Их сердца под чекменями
Мерно
        глухо
                ровно бьют.
Смотрят мертвыми глазами,
Пики мертвыми руками
Крепко сжали.
                Молча ждут.
Сотни. Тысячи. Станицы.
Курени. Полки. Отряды.
Грозны их немые лица,
А по венам — кровь струится,
И на землю все их взгляды.
Впереди — Один. Крылатый.
Стрелы. Лук. Да конь гнедой.
Светят тускло шлем и латы,
Ждет сигнала — час расплаты.
Наголо — палаш кривой.
Перед ним — отряд дозорный,
Кони карие, в попонах,
И закрытый тучей черной

Лик святой, нерукотворный,
На казачьих на знамёнах.
Тучи,
        Тучи,
                Тучи
                        Скрыли
В небе чудное виденье.
Дон Небесный
                — в Божьей Силе,
Ты — залогом воскресенья!

ПСАЛМЫ

1

Долго, Боже, мы Тебя искали
Создавая образ Твой в себе.
Думая о Тайне и Начале,
В злободневной, суетной печали
Падали, сраженные в борьбе.

Сотни лет десятки поколений,
Веру в сердце свято сохраня,
Шли в огонь без страха и сомнений
И в порыве высших вожделений
Чаяли спасительного дня.

Из того, чего душа хотела,
Из всего, что в нас святого есть,
Мысль Твою мы создали и тело,
И легенда о Тебе летела,
Нам же нами посланная весть.

И молились. Ждали. И терпели.
Глупые. Усталые. В пыли.
Воплощенья снов своих хотели,
Ничего понять мы не сумели,
Ни на что ответа не нашли.

Вот и просим: отзовися, Боже,
Образ въяве покажи нам свой,
Мы свои старания приложим,

Сил остатки не скупясь умножим,
Чтобы слиться навсегда с Тобой.

2

Проплывут миллиарды, триллионы столетий
И у Господа Бога, на чертёжном столе,
Он появится, этот проект, на планшете
Обитателя нового на старушке земле.
Мастодонты и мамонты. Бронтозавры, удоды,
Скорпионы, удавы, блохи, люди и вши,
Все исчезнут они как ошибка природы,
С ними все, что имело хоть признак души.
И конец! И начнутся иные исканья!
Миллионами долгих, интереснейших лет.
Ну — а мы?
Наша вера
Любовь
И желанья?
Ерунда! Мы же — списаны!
Нас — больше нет.

. . . .

Глубоко-глубоко, в Преисподней бездонной,
Сатана ухмыльнется и покажет язык,
Где приткнуться не зная, усталый и сонный,
Пробормочет озлобленно:
«Бракодел ты, старик!»

3

Что простишь мне, я не знаю, Боже,
Но Тебе я не прощу себя,

Дух Ты мой нещадно уничтожил,
Сам во мне Ты погубил Тебя.

Ты лишь бил, калечил не жалея,
Всё сгубил, что сам же даровал,
Образ Твой, что с детства я лелеял,
Темным, грозным, непонятным стал.

Да — живу. Но я — окаменелый.
Онемел, меня не разбудить.
Страшно мне, что в мире этом целом,
Ни о чем, ни с кем на свете белом,
Вновь душе моей не говорить.

4

Не мирясь с казачьею страшной судьбой
До того я дошел, что заспорил с Тобой.

И правдивость Твоих и евангельских слов
Проверял на кровавой судьбе казаков.

Не мирясь с неправдой, в кошмарном бреду,
Всё ответа искал и никак не найду.

И дожив, наконец, до седых до волос
И себе, и Тебе, ставлю страшный вопрос.

Да, вопрос задаю: отчего, почему,
Вместо жизни и мне даровал Ты тюрьму?

Почему, отчего мой казачий народ
Кандалы, в Твою Правду поверя, несет?

Почему он свободу свою потерял,
Почему я о радости жизни не знал?

Отчего . . .
Ох! Седая моя голова
Ни в какие теперь не поверит слова.

Ты народу казачьему — нет, не помог,
Наш ужасный в своих заблуждениях Бог.

. . . .

Не молюсь, не прошу. Нет ни воли, ни сил.
Кто мне скажет: за что нас Господь погубил?

5

Господи, я — Павел. Павел значит — малый
Неприметный, скромный, средний человек.
И к Тебе приду я, ах, такой усталый,
Утирая слезы с покрасневших век.
Ты же знаешь, знаешь хутор Поляковых.
В нем жила казачья крепкая семья,
Вера в Бога в небе их была законом,
Их была надеждой и любовь Твоя.
Как они молились! Как они любили!
И как свято чтили Божьи образа!
Но — враги явились, хутор наш спалили,
У икон штыками выбили глаза.
Двадцать шесть нас было. Казаки, казачки,
И детишек малых целая гурьба,
Казаков — побили. Сгибли и казачки.
Та же ожидала и детей судьба.

Я — один остался, уцелев случайно.
Карабин три года я в руках держал,
И когда от пули красный враг валился,
Я с усмешкой в ложе метку вырезал.
Господи — я сделал двадцать шесть отметин,
А хотелось сделать — двести шестьдесят!
Но, Ты знаешь, знаешь, мы ушли в скитанья,
Сорок лет надеясь повернуть в обрат.
Хутор мой — спалили. Семью — перебили,
Дон мой, Дон мой Тихий — у врага в плену.
Всю-то жизнь я прожил сдерживая слезы,
С горькими я с ними и навек усну.
Не пойму я, Боже, никогда: за что же
Был сожжен врагами наш казачий край?
Пред Тобой представши я склонюся низко:
«Поляков.
Последний.
Бей же!
Добивай!»

6

Господи, когда я сам с собою
Говорю — Ты знаешь почему!
Суждено же было мне Тобою
Всю-то жизнь протопать одному.
Мой курень, Ты знаешь сам, спалили.
И пошел гулять я по земле.
Сколько грязи. Сколько едкой пыли.
Крох остатних на чужом столе.

Тут и Ты заговорил бы тоже
От тоски, наверно, сам с собой.
Сорок долгих-долгих лет я прожил
Как кобель приблудный и чужой.

Ты прости, коль горькими словами
Говорит потерянный поэт.
Есть Ты где-то высоко над нами,
Где-то есть. Но Ты — не добрый! Нет!

7

Мне почудилось нынче зарёю
Не в Баварии я . . . нет, не тут,
А в степи я лежу . . . Надо мною
Облаков караваны плывут.

Широка, широка их дорога,
В бесконечно-глубокую синь,
По-над Доном. К Господню чертогу,
Через кровь. Через боль. И — полынь.

В те пространства ни вод и ни суши
Где открыта заветная дверь,
Где лишь праведных светлые души,
Где казачьи станицы теперь.

И я понял, что скоро, ох, скоро,
В недалеком каком-то году,
В бесконечные эти просторы
С облаками и я попаду.

И лишь там, где ни плача, ни болей,
И где Бог атаманит в веках,
Я спою о немеркнущей Воле
В псалмопевных казачьих стихах.

8

В жизни мне даны судьбою
Только горе и потери . . .
Говорят, что это служит
Испытаньем нашей вере.

Говорят . . .
Ах, нет, довольно,
Страшной мне Он мерой мерил!
И шепча — мне больно, больно,
Ничему теперь не верю.

9

Боже, Ты сосуд скудельный
Озарил небесным светом:
Трубокур я и бездельник
В мире злобы стал поэтом.

И стихи о том слагая,
Что задумал Ты в твореньи,
О казачьем пел я рае,
О его уничтоженьи.

И Тебе, Тебе лишь веря,
Уверял себя в смятеньи,

Что кровавые потери
Лишь залогом воскресенья.

Затужив о снах ковыльных,
Не коряся вражьей силе,
О крестах пою могильных
Здесь, где душу мне убили.

10

Отче наш . . . в Твоем надзвездном свете
Все пошло кубыть наоборот:
Мы — Твои и воины, и дети,
Кто же нас как куропаток бьет?

Говоришь — мы трошки дурковаты!
Что поделать — Ты же нас творил!
А когда горели наши хаты,
Храмы наши — Ты-то где же был?

Знаю, Ты грозишься мне сердито:
«Погоди, заявишься, постой!»
Мне ж вперед, я говорю открыто,
Хутор мой бы повидать родной.

Лишь потом, отведав счастья снова,
Там, у нас, на нашей Донщине,
Я скажу: «В начале было Слово . . .
Да не то! хотели мы — иного!»
И замолкну в беспробудном сне.

11

Из нашей казачьей распятой земли
Мы песни с собою свои унесли.

И пели мы их задыхаясь от слез,
И ветер чужой их бесследно разнес.

А певшие песни, один за одним,
Давно разлеглись по погостам чужим.

И скованы стонут казачьи края.
О Господи, Боже, где ж Правда Твоя?

12

Не молюсь я. Не ропщу. Не плачу.
А зову: «Приди же Ты, приди».
И сознав творенья неудачу
На земле порядок наведи.

Приходи без грома и парада,
Трубных звуков, молний и речей.
Нам тебя отцом любящим надо
Для не дюже у́шлых сыновей.

Поспеши. Беду мы за бедою
Словно в пьяной дурости творим.
Разними нас праведной рукою
И прости нам — дуракам Твоим!

13

Замолчите! Я-то твердо знаю,
Хоть мой путь позёмкой запуржён,
Нынче я спокойно утверждаю:
Был со мною непрестанно Он!

А когда случалася заминка
(ах, за мною нужен глаза да глаз),
Он меня, как глупого подсвинка,
Хворостиной загонял на баз.

От собак. От сволочи. От сброда.
От ослиных и других копыт . . .
Жизнь моя — с мечтою про Свободу,
Луч степной, что бесперечь горит.

14

Нам наврали о Нём. И костров не жалея,
Подобравши в монахи веселых ребят,
То крестом, то мечом, то постом, то елеем,
Загоняли нас в рай, иль сажали нас в ад.
Нет их, вовсе, чертей! Нет ни ада, ни рая,
Ни святых, ни угодников — вовсе их нет,
С изначальных времен нам победно сияют
Разум светлый. И Дух. И живой интеллект.
Коль Он есть — Он иной. И в заоблачном мире,
Нет, не нужно Ему, победителю тьмы,
Чтобы вечно, уныло, бородатые дяди
Под икотку гнусили всё те же псалмы.

Нет, я даром не дам мою горькую душу,
И попавши в мятежный людской океан,
Все приданья отрину, все законы нарушу,
И дорогу найду я сквозь этот туман.
Мне хотелось бы верить, что народам
смущённым
Он покажет себя мудрым, добрым, иным.
И — в сиянии Правды. Лишь тогда обращённым
Я счастливым пойду, не боясь, за Ним.
Ах, мне мало так надо, вовсе-вовсе немного:
Вот на этом на страшном, одиноком пути,
Отыскать Его в мире — казачьего Бога,
И, ликуя, за Ним в бесконечность уйти!

15

Мой народ Ты в огне уничтожил,
И с реки повелел нам сойти.
Помоги ж мне кровавый мой Боже,
Для Тебя оправданья найти!

НА СМЕРТЬ МАЛЬЧУШКИНА

В разговоре я нынче случайно узнал,
Что Мальчушкина, терца, Господь отозвал.

Отозвал Он его навсегда. И туда
Где оленей и львов вместе ходят стада.

Где у тихой, в кувшинках, небесной реки,
Пораскинули вербы свои холодки.

Где сазаны зарей без отказа клюют,
Чекомис и ласкирь на балябу берут.

Где в Раю, что ни день, с неизбывной тоской,
Казаки вспоминают про край свой родной.

И тогда их слезой затуманенный взор
Видит степь Донщины, видит сонмища гор.

И до них долетают молитвы без слов,
Песни наши — живущих еще казаков.

Песни наши — живущих в безмерной тоске
По Кубани. По Тереку. Дону-реке.

И они, наварившие райской щерьбы,
Там молчат перед Богом — Господни рабы.

Им открылась незримая тайна . . . и вот
Он меня поджидает, Мальчушкин, он — ждет!

Помнит он как пришел этот день, этот час
И в казачьих степях не осталося нас.

Как тогда запылали леса и поля,
И от залпов орудий дрожала земля.

И все это снесли только мы — казаки,
Это страшное дело Господней руки.

Чем же, чем это всё Он теперь объяснит,
Бездну нам, казакам, нанесенных обид?

Даст ответ . . .
Нет у Господа!
Нет его!
Нет!
Да, не знает Он сам, что сказать нам в ответ!

Эх, Мальчушкин, быть может ты тайну узнал,
Но ответ я Его наперёд не признал!

И пойду я к Нему. И заплачу пред Ним.
И спрошу я в тоске: как Ты мог быть таким?

***

После смерти Дух уходит к Богу,
Потому и не ропщу, пою:

Охраняют райскую дорогу
В конном наши, боевом строю.

Избраны лишь те, что не корились,
Что по Полю трупом полегли,
Те, что кровью собственной умылись,
Защищая красоту земли.

Ах, совсем иные там понятья
И иная мера для людей,
И земное, слабенькое — братья —
Там звучит иначе и теплей.

Понял я, за что нас перебили,
И приемлю страшный наш искус,
Это мы лишь свято сохранили
То, что знал распятый Иисус.

Всем народом поднялись за веру,
И казачьей смертью смерть поправ,
Перед Правдой выполнили меру,
Древний наш обычай не предав.

САВЕЛЬИЧ

Выезжал Савельич в степь. Да на левады.
Поглядеть на всходы. Да на зеленя.
Подышать чудочек духом чебрецовым,
На попас у балки выпустить коня.

На восток Савельич набожно окстился,
Обернулся быстро «сам вокруг сибе».
Ни души-то нету. Копчик замер в небе.
Да кукушка плачет по чужой судьбе.

Поприсел Савельич в кустик чернобылу,
И размял в ладони гирьки колосок,
Гля! А за межою, в трех шагах, не боле,
Он стоит! Крылатый! Светел и высок!

И понял Савельич — ить не зря же это
Воин Сил Небесных здесь стоит пред ним!
Неспроста же это казаку донскому
В балке появился Божий херувим!

Стал Савельич прямо в травы на колени,
Старым лбом в морщинах к доннику приник,
И слезой горячей, радостной и теплой,
Ангела Господня встрел седой старик.

И услышал голос: «Что же, маловеры,
Почему вы сбились с чистого пути?
Али вы отвергли заповеди Божьи?
Аль забыли тропы по каким идти?

Вы, не тщась о Боге, сатане предались,
А служить должны вы Богу одному!»
Встал с земли Савельич: «Погоди-кась трошки,
Разбяри получше што оно к чяму.

Коли неустойкя в жизни нашей вышла,
Ты нас, ангел Божий, нет, не виновать,

Ты суды послухай, я бряхать не стану,
Мне, и сам ты знаешь, скоро помирать.

И тогда, явившись да на суд последний,
Я на Бога смело очи подыму,
И про жизню нашу, горькую, казачью,
Правду, тольки правду, я скажу Яму.

Я скажу — Вяликай! Мир создавши етат
Ты в своем твореньи трошки оплошал,
Дав любовь немногим, у нячистой силы
Ненависти темной вовсе не отнял.

Што же получилось? Те, кого Ты создал
По свому подобью, по своёй мячте,
На Тибе ж поднявшись взяли да распяли
Твоявo же Сына, Боже, на хресте!

Да, любовь Христова, нет, не удивила,
Никого на свете не смогла пронять.
Но, в Яво поверя, казачишки наши,
Против тьмы бясовской взялись воявать.

И какая ж вышла наша положенья?
Мы ж в казачьей степи трупом полягли!
А ить мы — любили. Мы — Табе молились.
Мы за храмы Божьи на Голгофу шли!

Ну — так чья же сила? Чья же правда в мире?
Эх, любовь Ты нашу в злобу обярни!
Лишь тогда сумеем с войском сатанинским
В ненависти дикой справиться одни.

Господи, — скажу я, — злоба всех сильнее,
Ты ее нам ноне против ада дай!»
Херувим качнулся: «Погляди, Савельич,
Конь ушел в потраву на соседский пай!»

«Во, — сказал Савельич, — увидал ты это,
Што моя худоба топчить луг чужой!
А ить вы на небе скопом проморгали,
Как Москва на Бога поднялась войной.

А ишо, к придмеру, просто, по-хозяйски,
Отвязался, скажем, у тибе бугай!
Што ж, утей порежешь што стоптать он можить?
Не! В базу скотинку крепше взналыгай!

Вот и ты заладил — грешные, покайтесь,
А пошёл бы с нами на своём коне,
Да табе б шшатинку красные вкрутили,
Враз бы жизню нашу понял ты вполне!»

На коня Савельич глянул. Обернулся,
Тю, — а херувима за межою — нет!
Только будто травы к небу потянулись,
Только будто льется с неба тихий свет.

Подседлал Савельич. Почесал в затылке:
«Вот сужет! Скажитя, как же яво быть
А ить так выходит, слышь, Господен воин,
Што табе, братуха, вовсе нечем крыть!»

КАЗАЧЬЯ ЛЕГЕНДА

Давно, страсть давно, ах, и в те времена,
Морила, губила, сжигала война.

Несчетные вражьи сходились полки,
И шли безудержно до Дону-реки.

Казачья им сила навстречу пошла,
И в схватке неравной в степи полегла.

А враг, нагружённый добром не своим,
Шляхами небитыми тронулся в Крым.

И вышла Наталья, казачая мать,
Ах, сына Степана по Полю искать.

В соседней станице, сожженной дотла,
Мать мертвого сына под вязом нашла.

А рядом, сраженный казачьим копьем,
Татарин израненный, с мертвым конем,

Метался в предсмертной борьбе на траве
И кровь, ох, на бритой его голове.

Он шепчет чегой-то — су-бер, аль су-бар . . .
Напиться так просят у них, у татар.

И кинулась мать, чтобы сына обмыть,
Татарина хочет она напоить,

Могилку бы вырыть — да руки дрожат,
И катятся горькие слезы как град.

И бредит татарин. И солнышко жжет.
А ворон-могильщик и кружит и ждет.

И кинулась снова казачая мать,
Татарина хочет она приподнять,

Он в латы закован, подбитый орел,
И ей не под силу. Тяжел, ох, тяжел!

Татарскою саблею, слабой рукой,
Мать роет могилку, а слезы — рекой.

Но дело свое до конца довела,
И сына зарыла, и Отчу прочла.

И снова к татарину — Боже ж ты мой,
Никак не поднять — агромадный такой!

Поди у него-то маманя его
Всё ждет-недождется сынка своего.

Хоть нет его, Стёпушки, Господи, нет,
Нехай очунеется этот Ахмет!

Ох, нету в живых моего казака,
Нехай хучь татарка дождется сынка!

И хочет татарина вновь приподнять . . .
И все это видела Божия Мать.

И кинулась к Богу-Отцу в небесах,
Просила Его со слезами в глазах

И сбилась . . . и начала горько рыдать
И хочет Наталью Ему показать,

Что сына зарывши в землице сырой,
Татарина поит водой ключевой.

И видит: Господнею волей святой,
Поднялся Степан из земли из сырой,

Подходит к сраженному в битве врагу
И матери шепчет: «Постой, помогу».

И с матерью вместе Ахмета подняв,
Кладет на ковер из лазоревых трав.

Не знает Наталья, казачая мать,
Смеяться ли ей иль от счастья рыдать.

Господь бесконечных неведомых сил,
Степана ей, сына ее, воскресил!

Татарин спокойно лежит на траве,
Нет крови на бритой его голове.

Уснул он, спокойно Ахметка уснул,
Вернется он снова в родимый аул.

Расскажет: в далекой стране казаков
Сраженных на землю не мучат врагов.

Дадут и поесть и напиться дадут,
У них, казаков, там — лежачих не бьют!

А если кто думал — народ их убит,
Напрасно! Господь казаков воскресит.

И в мирном труде, не в кровавом бою,
Державу Казачью построят свою.

АЗОВЦЫ

Степью шли. И трошки примори́лись,
Обернулись глянуть на Азов:
Там еще развалины дымились,
Да вороны над валами ви́лись,
Провожая к Дону казаков.

Долго. Долго сумрачно глядели.
Замерли и мысли, и слова.
Лишь слезинки на глазах блестели,
Крови пятна на бинтах алели . . .
И — тропарь запели Покрова.

А когда их пенье отзвенело,
Атаман поднялся говорить.
Гнёт трухмёнку: «Вот какая де́ла,
Штобы вера наша не истлела,
Монастырь нам надо станови́ть.

Всю-то жизню Богу мы трудились,
И в осаду сели за Няво,
А когда мы с нехристями бились,
Пели мы, али Яму молились,
Для сибе не чая ничаво.

И вот ету веру соблюдая,
Дон наш древний вышли борони́ть,
Всё отдавши для Родного краю
Лишь одно тапе́рича жала́ем,
Штоб молитвой жизню завершить».

Круг молчал. Поднялся лишь Савелий,
Конопатый. В шрамах на груди.
И сказал: «Прожили как умели,
Атаман ты был в осадном деле,
А таперь — игу́мном походи!»

«Пр-ра-виль-на-а!»
Над балкой расстелился,
Вьется дым бесчисленных костров...
Сам Петро-Угодничек дивился,
Улыбаясь радостно окстился,
В небесах прося за казаков.

АЛИСТАРХ

Всю-то жизню Алистарх крути́лси
Как кобель за собственным хвостом...
А когда в раю он очути́лси
Не спытали дюже ни об чём.

А сказали: «Есть у нас станица,
Вон, в лошшине, где святуть сады,
Атаману ты должон явиться,
Вот те конь, сядлай и жги туды!»

Алистарх не торопился дюже,
Штоб коня дуром не заморить.
У Правленья расседлал. У лужи
Дал коню. Цыгарку стал крутить.

Гля — а в чине ангельском шагаить
С хуторов Шумилиных Фядот.
С шаровар цыдулькю он вына́ить,
Говорить: «Прочти-кась вот тут вот.

Да гляди, штоб апасля не спорил,
Тут у нас, братуха, — не бузи́!
Атаманить сам святой Ягорий
И яво переизбрать — няльзи́!»

«Как няльзи́?»
«Да так. Господь Всявышний
Говорить, што сорок с гаком лет

Дрались мы на сходах на станишных,
Лезли врозь, На нас надёжи нет!»

«Н-не ж-жалаю! —
Алистарх озли́лси. —
Выборный должо́н быть атаман!
На земле я рядовым крути́лси,
А таперь первейший мне вака́н!»

Рази ж тут не выйди он, Ягорий,
Из Правленья в самый аккурат:
«Алистарх! Обратно ты поспорил?
Так ступай же ты к нячистым! В ад!»

И оставив райскую ограду,
По каменьям, по колючкам прёт,
Чимчикует Алистарха к аду,
Лет за сорок он туды дойдет.

И мячтаить:
«Есть соображенья,
Быть могёть — прикажуть повярнуть,
И мине в станишную правленью
Ангелы под ручки привядуть.

И довольный дюже тем ваканом
Им скажу — ребята, не бузи́!
Я таперь бессменным атаманом,
И мине переизбрать — няльзи́!»

ГЯРОЙ

Купряян Ягорыч от соседа вышел
И домой, задами, напрямик пошел.
Ноне там приезжий дьякон из станицы
Об нячистой силе разговор завел.

Выпито, конешно, было — до отказу,
Прениев, известно, было — завали́сь!
Атаманец Юдин скалкой отбивалси,
А Семён и Прохор за грудки брали́сь.

Ну, ввязалась в споры бабушка Настасья,
А у ней ухваты — первый аргумент!
Споршшики смирились. И отбой сыграли.
И порядок бабка навела в момент.

Тут Семён Степаныч, сев под образами,
И-эх-да во-от пое-эхал, — песню затянул . . .
Купряян Ягорыч отыскал папаху,
Вышел вроде в сенцы, да и усмыгнул!

Так. Идёть, конешно, Купряян Ягорыч,
На курень отцовский направленью взял.
Только под вятлою, в конопях соседских,
Купряян Ягорыч чёрта увидал!

Из сибе чяртяка дюже неказистый.
Ухи растопо́рил! Носа вовсе нет.

Лысый и камолый. С мордой азиатской.
И вапче — ну чистый Ленина патрет!

А глаза — што угли. Так и жгёт, треклятый.
Да как залопочить: «Но, казак, пропал!
Ноне ж в преисподней ты со мною будешь!
Понял? Испужалси? Г-га! Здоров-днявал!»

«Слава Богу!» — гаркнул Купряян Ягорыч.
Посинел чяртяка, задом начал бить.
Вынул хрест нательный Купряян Ягорыч
И зачал чяртяку тем хрястом хрястить.

Дым с огнем поднялся буравлём зеленым,
Серой потянуло, чёрт скрозь земь пропал.
Купряян Ягорыч трошки испужалси,
Ну а виду, вопчем, вовсе не подал.

Тольки помаленькю бороду разгладил:
«Не табе, чяртяка, казака добыть!»
Огляделси — тихо. Повярнул к рячушке,
Штоб нихто не видел — шаровары мыть.

ГВОЗДИК

Ой да е-ва гво-о . . . я заиграл в двадцатом
И тяну я это доси бесперечь,
И прошу у Бога милости великой:
Там, в Земле Казачьей, упокоясь, лечь.

А когда почую, что ковыль родимый
На степном кургане у креста приник,
В радости великой песню доиграю:
Слава Тебе, Боже! Ой да, братцы — здик!

В САМОЛЕТЕ

Высоко. Совсем под облаками,
Там, где Божья солнечная крепь,
Искрится, покрытая снегами,
Наша Усть-Медведицкая степь.

Здесь, уйдя из жизненного плена,
Предки наши к Господу прошли,
Здесь она, позёмки нашей пена,
Красота ушедшая с земли.

За отцами, также без возврата,
Сгину я в надзвездной вышине.
На земле — тут царство горлохватов,
На земле, здесь места нету мне.

УМРУ

Умру. Но нет — не замолчу!
Стихов моих напев свободы,
Как четверговую свечу,
Оставлю вольному народу.

И будут в бесконечных снах
Мне наши чудиться станицы.
И буду там читать стихи,
А ангелы — листать страницы.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Двадцать лет. В кошмаре иль в угаре,
Здесь, на этой каторге моей,
На шумливом голубом Изаре
Вспоминаю крики журавлей.

Ихний крик, глухой и безнадёжный,
Здесь на этой, на чужой реке,
У конца кровавых бездорожий
Повторяю, онемев в тоске.

Каторга. В лихой моей печали
Проведу остатние деньки
Здесь, где нас предали и распяли,
Здесь, где вымирают казаки.

ЗИМА В БАВАРИИ

На дворе серебряная сказка
Про морозы, стужу и метель,
А снежинки с неземною лаской
На окошке нижут канитель.

Лишь мгновенья, краткие мгновенья
В свете тихом чудно-хороши,
В дни когда уснувшие сомненья
Не тревожат сумрачной души.

И тогда, приемлющий причастья,
Этим снегом, белым как в степях,
Хоть минутку снова верю в счастье,
В искры смеха в голубых глазах.

ПОЭТУ

Не пой, поэт, а замолчи.
Любви твоей, живой и пылкой,
Угаснут светлые лучи
Под хама гнусною ухмылкой.
Он всё загадит, загрязнит,
И зависть подлою змеею
Вслед за тобою зашипит
И брызнет бешеной слюною.
Живи в себе, в миру́ своем,

Куда пойдешь, открыв забрало?
Одно лишь знай — твоим огнем
Горит Извечное Начало.
Знай, в наши дни он, хам — сильней.
И ты никак теперь не в моде,
И нет, не песнею твоей
Будить ее, любовь в народе.
Под гул моторов, звон монет,
Под пьяный рев и визг и тосты,
Не слышен ты. Молчи, поэт.
Не нужен ты. Нужны — прохвосты.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Облака нависли над землею,
Солнце, уходящее уснуть,
Полымем, как огненной рекою,
Озарило их бесцельный путь.
И играя медью раскаленной,
Свой привет в расплавленном огне
Из вселенной жуткой и бездонной
На прощанье посылает мне.
Знаю всё. Так медленно и больно
Бьется сердце, утомяся ждать.
Срок идет. Довольно же, довольно,
Чара тризны, а не тост застольный,
Тьмы грядущей черная печать.

ВЕНГРАМ

Она прекрасна, дорога эта,
Борьбы, дерзаний, тоски и слез.
По ней ступая с крестом страданий
Христос надежду свою пронес.
И умер, светлый, на той дороге,
Своими ж предан, избит, распят.
Его заветы и кровь и муки,
Вам путеводной звездой горят.
И вы восстали вот так же веря,
И ваш был полон надежды зов,
Но мир, живущий под знаком Зверя,
Он сатанинской вам мерой мерил;
Он подло предал лихих бойцов.
Не сомневаюсь ни на минуту
В победе ваших святых надежд,
Христова вера и кровь Кошута
Помогут сбросить чужие путы
И вольным станет ваш Будапешт.

ПЕРЕПЕЛИНОЕ ГНЕЗДО

Как с густой шамарой, да в полночной тиши,
Зашептались в испуге шурша камыши.

Зашушукались вётлы почуя войну,
И рванул он, гранатный разрыв, тишину.

И взметнулся, что вихорь, огонь к небесам,
В жутком грохоте смерть пронеслась по лесам.

И стеною поднялся ревущий пожар,
Черным дымом закрылось сиянье стожар.

А гнездо перепёлок в густом ковыле
Разнесло. Раскидало кругом по земле.

И весь выводок был на траве перебит...
А?
  За что?
      Почему?
          Кто же мне объяснит?

ВОТ И ВСЁ

Вот и всё!
      А как же страшно много
По-пустому улетевших лет
На тебе, пустынная дорога,
На которой утешенья нет.
Что ни шаг — напрасная утрата,
Что ни день — потеря, жертва, кровь,
А в конце — холодная расплата
За мечту, за веру, за любовь.
За любовь к чубатому народу,
Что, поднявшись в буре и огне,
Жизнь отдал за призраки свободы!
Веру в Правду передавши мне.

Веру в Правду... с песней, как в угаре,
С Дона нес. И выбился из сил,
И теперь вот, в голубом Изаре
Душу я под песни утопил.
Вот и всё!
О жертвах о казачьих
Здесь кровавый повторился сказ.
Здесь, где Запад скопом бьет лежачих,
Где последних доконают нас.

КАЗАКУ

Нет! Не молись! А пулей из нагана
Стезю к победе проложи свою.
Родимый Край, его святые раны
Ты исцелишь не плачем, а в бою.
Довольно слез. Когда нас убивали
Не слышал нас, нас позабывший Бог.
Молчал Христос. В лихой твоей печали
Никто тебе, станишник, не помог.
И ты не верь, что счастья в наши хаты
Добьешься ты молитвой и постом,
Закрыта ль дверь — в замок из автомата
Ты магазин опорожни огнем.
Запомни, брат, — торгующих из храма
Бичом погнал наш тихий, кроткий Спас.
Они молчат — торгующие нами,
Им «неудобно» говорить о нас.
Забыты мы. А на могилы дедов,

Чтоб запахать их, он пришел, чужак!
Мы дверь тюрьмы откроем лишь победой,
Запомнив твердо — мир нам братства не дал,
И в нем теперь ты одинок, казак!

ЗАТРАВЛЕННЫЙ

Снова бросить должен все, что сердцу мило,
Чтоб уйти, не дрогнув, в новую печаль,
Чтобы как туманом всю тебя покрыло
Новая, чужая, пасмурная даль.
Ничему наивно больше не поверю,
И молитв забытых не припомню, нет . . .
Шла собачья свора за усталым зверем,
Гончие загрызлись, потеряли след.
И нося боками от лихой погони,
Озираясь дико на примолкший лес,
Зверь в тоске смертельной тихо не застонет,
Зная — в мире этом вовсе нет чудес.
И шагнув неверно, утонув в сугробе,
Новых троп ногами попирая твердь,
Знает он, да знает, там, в лесной чащобе,
Избавленьем будет все же только — смерть.

ДОЧКЕ НА НОВЫЙ ГОД

Всё ты будешь вспоминать, Наташа,
Мелочи, быть может — ерунду,
В дни когда в хатёнку эту нашу,
В наш курень я больше не войду.
Помнишь ты, как часто, пообедав,
Говорили тихо мы вдвоем,
Вспоминали старенького деда,
Оставаясь долго за столом.
Вечерами, нудный день отмаяв,
Сколько, сколько ты просила раз
Повторить про хутор Разуваев
Мой нехитрый, мой простой рассказ.
Жизни боли наконец изведав,
Все стерпев, что приготовит Бог,
Не забудь своих казачьих дедов,
Свет степной. Свой Угол и Порог.
Не забудь ты никогда, Наташа,
Про казачье горе и беду,
Вспоминай про эту славу нашу
И тогда, когда я — не приду.

ПРОКЛЯЛА ЛИ МЕНЯ

Прокляла ли меня, ты, родимая мать,
Что пришлось мне, бездомным, по свету блукать.
Что придется усталому, старому мне
Помереть в неприветной, чужой стороне.
Чтобы всех, для кого и боролся, и жил,
Растерял по-пустому, в тоске схоронил.
И всю жизнь одиноким в неравной борьбе
Простоял не коряся постылой судьбе.
Прокляла ли меня, ты, родимая мать,
Что измену не раз довелось мне узнать,
И едва лишь уйдя от погони врагов,
Встретить в храме торговцев, а в деле — глупцов.
За какие, скажи, за какие грехи
Мне остались лишь вера моя да стихи?
Чтобы с ней, с этой верой, казачество петь
И — ах, чёрт побери — за своё умереть.

ВОРОЖИЛА ТЫ

Ворожила ты мне, говорила:
«Поседеет твоя голова,
А проклятая вражая сила
Разрастется как в поле трава.
И узнаешь ты горечь скитаний,
И тоску безвозвратных утрат,
Лучший друг, изменивши, обманет,
И предаст заблудившийся брат.

И поймешь, почему без надежды
На кресте не легко умирать,
И смыкая усталые вежды
Подлость близких своих испытать.
На тропе на твоей одинокой
Станет он — всё загадивший хам.
Будешь петь ты о степи широкой
Внукам, правнукам, только не нам».

ОТЦУ

Сегодня я выпил, отец мой, с тобой
С портретом твоим на стене...
Прошли безотрадные дни чередой
И время подходит и мне.
Ты молча в могилу холодную лёг...
Ах, сколько ты горя унес!..
Как встретил тебя твой безжалостный Бог?
Как встретил твой кроткий Христос?
Я знаю — небесный урядник-трубач
Идет за трубой на стене,
Коня подседлает, помчится он вскачь,
Седловку сыграет и мне.
Ты встреть меня там, объясни, растолкуй,
Зачем я всю жизнь проходил
Нося неизменно на сердце тоску,
Бродя средь несчетных могил?
. . . .
Мне все непонятно. Я все растерял.
Трубач мой небесный, я жду твой сигнал.

НА ДОЧКИНЫ ИМЕНИНЫ

Я купил ей сегодня немного цветов,
Приготовил получше обед
И, признаться, без водки у нас, казаков,
Настоящего праздника нет.

Ей сегодня пошел восемнадцатый год,
В восемнадцатом — я подседлал,
В этот год он поднялся, казачий народ,
И в борьбе, окровавленный, пал.

С тех-то пор я по свету как пьяный брожу,
Нет не плачу, а песни пою.
Думал я, что на Западе я расскажу
Про казачую Правду мою.

И за сорок утраченных попусту лет
Я в отчаяньи твердо узнал:
Ничего здесь у них христианского нет,
Лишь кулисы Христов идеал.

С каннибалом готовы они торговать,
Но хватаются крепко за нож,
Чтобы серьги иль перстни с убитых сорвать,
Отстоять свой кровавый делёж.

Ты запомни, Наташа, у нас, казаков,
В тихих наших донских куренях,

Самоцветы горели евангельских слов
Самым высшим законом в степях.

Дочка — вот она страшная жизнь, пред тобой,
В ней заветы прадедов храня,
Ты иди лишь Степановой древней тропой,
На Дону помяни ты меня.

МАТЬ

Там лишь небо осталось такое
Как когда-то у нас в старину,
Да казачее солнце степное
По утрам серебрится в Дону.
Да весенние ветры целуют
Краснотал, солонцы, камыши,
И тоскуют, тоскуют, тоскуют
Ковыли в полуночной тиши.
А когда перелетные птицы
Закурлыкают снова поход,
Выйдет, выйдет она за станицу,
И к глазам полушалок прижмет.
И с горячею режущей болью,
Вспоминая, заплачет она
И слезами, как горькою солью,
Окропит сыновей имена.
Сыновья . . .
Разлетелись по свету,
Растерялися в землях чужих,
Там, где нет ни любви, ни привета,

Там, где нет утешенья для них.
Не ходи, не ходи за станицу
Поседевшая старая мать,
То, что нам на завалинках снится,
Лишь забытые Богом страницы
И тому никогда не бывать

1 9 4 5

По капризу бешеного рока
Я свою отчизну потерял,
И уйдя от дикарей востока
К гангстерам на западе попал.
Там нам пули вражеские пели,
Смерть неся восставшим казакам,
Здесь — остатних придушить хотели,
Здесь могилу выкопали нам.
Чтоб затмить английских конкурентов
Отнят голос был у казаков,
Радио ж создали для агентов,
Комитет — для отставных шпиков.
С карты нас безжалостно стирая,
Наш последний разрушая мост,
Сребренники красные считает
Западный продавшийся прохвост.
Сытые откормленные лица
Тупы. Косны. Мистеры — скоты.
Мне же хутор на Ольховке снится,
Мне моя почудилась станица
В легкой дымке степовой мечты.

Понял я, что мы недаром пали
В этой, нам навязанной, борьбе.
В облаках мы розовых витали,
Дикой злобы, нет, не распознали,
Прекословить не могли судьбе.
Верили, да громко песни пели,
Всё вложив в напевы и слова,
За свое же биться не сумели
И без крепи в настоящем деле
Вера наша обрелась мертва.
Но в союзе с недобитым сбродом
Собирали набежавший хлам . . .
Горсточку казачьего народа
Одолел осатаневший хам.
Как и деды, с самого начала,
Объявили — вера наша Спас!
И стеною дьявольскою стала
Мировая сволочь против нас.

МЭК АП

В Севастополе, ах, в Севастополе,
Уходя из Российской земли,
Мы на Графскую пристань потопали,
Где стояли, дымясь, корабли.

И по волнам Эвксинского Понта,
Под командой банкротов своих,
Задымили к огням Трапезонта,
В ожидании чуда от них.

И в исканиях этого чуда
Растеряли последний багаж.
Нас встречали Фома иль Иуда,
Или в храме сидевший торгаш.

Сорок лет проболтавшись по свету
И оставшись в духовном плену,
Закричал бы: «Карету! Карету!»
Да с каретой куда? На луну?

Все сии претерпевши аварии,
Сохранивши лишь веру свою,
Пред тобою, Патрона Бавариэ,
В изумлении крайнем стою.

И прямою казачьей натурою
Вопрошаю тебя об одном:
Что стряслося тут с вашей культурою,
И куда же мы этак дойдем?

Нам, отвергшим марксистские бредни
И российский разбойничий свист,
Не уверовать в ваши обедни,
Кока-колу, гешефты и твист.

Там — разграблены наши Пенаты,
Здесь же выдачи, ложь и нахрап.
Данс-макабр перед скорым закатом,
Жалкий, страшный, кровавый мэк-ап.

ЗАПАДНЫМ ДЕМОКРАТАМ

Демократ? Спасибо! Это — очень модно!
Был же Ёська-каин «демократ народный».
Нам же, нет, не к месту, жизнь мы знаем сами,
Были мы и будем просто — казаками.
Избежим ловушек, западней и сеток,
Проживем без этих чуждых этикеток.
Ох, кровавы эти бабушкины сказки,
Ложью вашей подлой сыты по завязку.
С именем Христовым славу мы стяжали,
В поле мертвым трупом, нет, не торговали.
Палачам сбежавших не везли за плату.
Нет, по вашей мерке, мы — не демократы!

НА ЗАПАДЕ

Никто в холодном курене
Не разожжет огня,
Никто не думает о мне,
Домой не ждет меня.

Огнями пестрыми горит
Он, город мне чужой.
Но — может быть заговорит
Хоть кто-нибудь со мной?

Один по улицам пустым
До полночи брожу:
Но я же встречусь, встречусь с ним
И — всё я расскажу!

Все тише звук моих шагов,
Все глуше сердца ход,
Все больше, больше горьких слов
И — запертых ворот.

И, мнится, слышу с высоты
Шипит огонь реклам:
«Одно у нас, пойми же ты,
Купи! Я — всё продам!»

ДРУГУ

Ты, я знаю, заметил — вымирают поэты,
И что в мире нет места ни сказкам, ни снам.
В межпланетном пространстве завывают ракеты
И в восторге гогочет торжествующий хам.

Хам штурмующий небо. Опоганивший дали,
Посягнувший на звезды беспредельных высот.
Мы ж — любили и пели. Но поздно узнали,
Что мотор Человека в человеке убьет.

Ты наверно заметил — уходят поэты . . .
Места больше не будет ни сказкам, ни снам.
А людские сердца газолином согреты,
И восходит на трон торжествующий хам.

В РАЗДУМЬЕ

Он своим прохвостам не потрафил,
Подлецам не подошел под стать,
И пошел Степан наш Тимофеич
Да по Красной площади гулять.

Мужикам сулил Казачью Правду
Анператор, буйный Емельян,
Кто ж предал? Да тот, что за беседой,
На дурминку надирался пьян.

Верил крепко, ах как крепко верил
В новый взлет казачьих вольных сил,
Одинокий преданный Кондратий
Свой живот за них же положил.

«Сволочь пли!» — скомандовал Назаров.
Сволочь кто? Пришелец или свой?
Враг иль тот, что бросив атамана,
Шкуру спас засевши за кугой.

Каледин. Твое ли только имя
Светит нам в тумане грозных лет?
Всеми брошен ты навел на сердце
Промаха не знавший пистолет.

О лихой, о страшной нашей были
Правду надо не страшась сказать.
Тот погиб, кто хаму не потрафил,
Подлецу не подошел под стать.

24. 1. 1965

Для бесчестной кончины, для вечного мрака,
Сатана наконец-то придушить его смог.
Она нынче подохла, третья злая собака,
Околел окаянный бешеный дог.

Мы их, нет, не забыли, Сибири могилы,
Нам стрельба у Лиенца поныне слышна...
Там, на Небе, собрались наши Светлые Силы,
И резервы сегодня подтянул сатана.

В Преисподней на уровне самом высоком,
Черти ведьмам закатят потрясающий бал,
Человеченки сварят английскому догу
Вашингтонский койот и грузинский шакал.

ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ КПСС

Партия нас холила. Марксом нас насытила.
Всё она построила. Всё она смикитила.

Кукурузу сеяла, а сама — не лопала.
Выкохала Сталина, а потом — ухлопала.

Всех капиталистов к Ленину отправила
И на сей трансакции капитал составила.

Против рабства подлого поднялася, грозная,
И тотчас придумала барщину колхозную.

На разоружение щурит глазки томные,
И открыто стряпает бомбочки атомные.

Западу толкует о коэкзистенции
И ведет несчастного к полной импотенции.

На планете нашинской мир она желает,
Дядю Сама бедного в угол загоняет.

Крой же дальше, партия, в этом направлении,
За свободу полного всех порабощения!

НА РАССТАВАНЬИ

Мы с тобою частенько, Серёга,
Заходили в кафе Одеон.
Ты о Вильно рассказывал много,
Говорил я про тихий мой Дон.

А когда высыхала бутылка
Старый обер другую давал . . .
Как и я — непослушною вилкой
Ты в селедку с трудом попадал.

И на уровне самом высоком,
Заалевшей не чуя зари,
Все проблемы единым наскоком
Разрешали мы, чёрт побери!

Вспоминали походы былые,
И не видя трамвая в упор,
Мы под песни с тобой боевые
Бодрым шагом пройдем Зигестор.

Жизнь судьба нам вторично подарит,
Шуцман нас до такси доведет,
Малиневич же кофе заварит
И домашней наливки нальет.

Постановим: долой разговоры
Про политики тягостный груз!
Коль сумели забыть про раздоры
Россиянин, казак, белорус.

Эх, Володя . . . Эх — добрый Серёга!
Мюнхен нам никогда не забыть.
Всё короче земная дорога,
А в бутылках — осталось немного.
С честью нужно их вместе распить.

ДЕВУШКЕ С РЕЙНА

I

Не зная вас я думал, что напрасно
Я прожил жизнь. И что она — пуста.
Что дни мои без радости угаснут,
И крылья сложит, утомясь, мечта.

И вот теперь я ваши очи встретил
И будто глянул в глубину морей.
Ваш юный путь и радостен и светел,
И весел вечер осени моей.

А дар певца и радует и рдеет,
Пока живу он не угаснет, нет.
Прекрасны вы, моя вы Лорелея,
И вам поёт разбуженный поэт.

II

Я узнал о тебе — ты счастливая мать,
Ты с ребенком на Рейн выезжаешь гулять.

И смеешься ты с ним, забавляясь игрой,
И искрятся струи и твой смех над рекой.

Хороша ты была! А теперь — хорошей!
И бездоннее взгляд несравненных очей.

Ты конечно же там обаятельней всех...
Мне сегодня во сне твой почудился смех.

Всем своим существом потянувшись за ним
Сам себя увидал я, нежданно, седым.

И проснулся... И дальше хожу. И живу.
Но остался твой образ со мной наяву.

И с утра, будто пьяный, я снова пою,
Про любовь. Про тебя. Ах, тебя — не мою!

III

Дорога бежит из-под быстрых колес,
Пролески, речушки, мосты.
Я имя твое в эти горы увез,
А в них, и в глазах, будто пóсолонь слез,
А в сердце лишь ты. Только ты.

Сегодня я в счастье поверю опять,
Удастся и мне отдохнуть:
По землям чужим, будто тень, проезжать
И имя несчетно твое повторять,
Им славя безрадостный путь.

IV

Беатриче моей ты не стала,
Приходила ко мне лишь во сне,
Будто эхо того идеала,
Что в степях померещился мне.
А его, по земле ковыляя,
Я хранил, с ветряками борясь
За свободу родимого края,
Громко споря и тихо молясь.
И жалею я и не жалею,
Что в стремительной рейнской волне
Образ Уши, моей Лорелеи,
Так внезапно почудился мне.
И ношу эту сказку и дале
Сквозь проклятое это житье,
И пою о моем идеале
Называя лишь имя твое.

V

Коль уж слишком темно у меня в курене
Покупаю тогда я цветы . . .
Одному, в тишине, снова кажется мне,
Что пришла неожиданно ты.

Этих роз и гвоздик разливное вино
Говорит о тебе. Об улыбке твоей.
Пусть в дождливой ночи потемнело окно,
Мне с цветами — с тобою — теплей.

ОДНОСУМАМ

Улеглись в могилы односумы
По всему-то свету отдыхать . . .
Тяжелы полуночные думы,
Нелегко ушедших поминать.
В скалах диких сумрачной Билечи,
По кафанам Сербии моей,
Мы на наши поднимали плечи
Ношу новых пламенных идей.
Было все и просто и понятно:
Нужно только верить и желать,
Юность нашу надо безвозвратно
На борьбу бестрепетно отдать.
Где друзья? Покончили со службой.
Кто ж услышит одинокий зов?
Кто заменит изменивших дружбе?

Вдохновит измученных бойцов?
Вера наша — терпкая отрава.
Юность наша — пьяное вино.
Не увидя воскрешённой славы
Нам уйти из жизни суждено.

НАДЕЖДА

Выпивал я сегодня один за столом
И поднял мой стакан в разговоре с отцом,

Да, с отцом . . . ах, с портретом его на стене!
Я спросил. Он смолчал. Не ответил он мне.

А спросил я его — отчего, почему,
Волю нашу убили, а строят тюрьму?

Ты скажи мне, отец, растолкуй, объясни,
Воротятся ль они, наши светлые дни?

Я спросил. Подождал. И опять он смолчал.
Закурил я. Служивскую я заиграл.

Ты молчишь? Хорошо! Только слушай, отец,
И с тобой, и со мной, это, нет, не конец!

Слышь, придет это время, я знаю, придет,
Снова станет на ноги казачий народ.

И тогда на Дону нас помянут с тобой
И теплее нам станет во тьме гробовой.

СТИХИ

Не писал я стихов по заказу,
На досуге стихов не писал,
И поэтому вовсе не сразу
Сокровенные мысли сказал.
Глубоко это, долго и много
Дней и чувств, впечатлений и снов,
Это длинную нужно дорогу,
Тишину, разговоры без слов.
Нужно вдуматься, взвесить и смерить,
Полюбить, подружиться, узнать,
Нужно крепко, да — крепко поверить
И — внезапно — стихи написать.
Что стихи? Это — ранней зарею
Солнца яркий победный восход,
Что, играя в лучах над рекою,
Вдруг несчетные искры зажжет.
Что стихи? Это вспышки-зарницы
И счастливых и горестных дум,
Это в памяти вставшие лица,
Ковыля повторившийся шум.
Что стихи? Пред кончиной улыбка
Над миражем изгубленных дней,
Это страшная злая ошибка,
Неудавшейся жизни моей.

НАД ДОЛИНАМИ

Над долинами пали туманы
И на сердце они залегли,
Эх вы, страны, далекие страны,
Лучше б вас мы вовек не нашли.
Краше было б от вражеской пули
Смерть принять в отгоравших боях
И уснуть, как герои уснули,
В окровавленных наших степях.
Хороши вы и долы и горы
И чудесны леса и поля . . .
Ходим мы, прижимаясь к заборам,
И холодным невидящим взором
Нас встречает чужая земля.

СИЛЕНЦИУМ

Коль в мире этом хочешь ты
Всегде преуспевать,
Имей ты локти поострей,
Учись хвостом вилять.
Всё, что ни скажут здесь тебе,
С восторгом повторяй,
В ди-пи попавший «утерменш»
И жалкий попугай.
Какое дело здесь кому,
Что твой погиб народ.

Под дудку ихнюю пляши,
Стань ихний патриот.
Забудь про всё, что ты любил,
Отцов и дедов кровь,
Коль деньги есть, купи себе
Почёт, уют, любовь.
А коли беден ты и сир,
То облюбуй плетень
И ляг под ним, и тихо жди
Последний хмурый день.
Твоя страна и твой народ
Погибли в годы смут.
Молчи об этом и пойми,
Что здесь на них плюют.
Здесь ничего святого нет,
А в моде — ловкачи.
Хватай, что можешь упереть,
Верти хвостом, молчи.

СПОР

Как-т с целою толпою здешних мудрецов,
По-российски матом кроя спор завел Хрущев.
«Берегись, — сказал Микита, — в р-рот, в печенку,
в зад!
Запустили сателита мы недаром, брат!
Сорок лет, — сказал Микита, — прямо из Москвы,
Говорили мы открыто, что идем — на вы!
Вы ж, не дрогнув гордой бровью, не смутясь ничем,
Торговали с нами кровью, честью, верой, — всем.

На икру, на водку нашу, все вы в Кремль плелись,
Ну, растак вашу мамашу, не скули — держись!
Мы построим эшафоты, резать будем, бить,
Русь пойдет, пойдет голота, буржуёв душить.
И в Чека употребленный, в нос, в печенку, в рот,
Свору красной рвани конной маршал наш сведёт.
Крышка вам капиталисты! Канцур. Решка.
Хвакт!»
Но, в визитке выйдя чистой, молвил некто: «Пакт
Мы, товарищ, предлагаем с нами подписать,
Ах, никак мы не желаем с вами воевать!»
И сказал Серов Хрущеву: «Сами в петлю прут!
Ну, таких вот, право слово, даже в церкви бьют.»

ЖАКО

Решено окаянной судьбой:
Одиноким ты кончишь, казак!
И вожу я под старость с собой
И портреты любимых собак.
Трубку я посильней раскурю,
Чтоб навеять ушедшие сны:
Он всё так же глядит на меня,
Куцехвостый Жако со стены.
С ним, по утру, привады набрав,
Мы ходили рыбалить на пруд,
И ловили мы с ним пескарей,
Не считая счастливых минут.
Но не знали, как быстро они,
Эти счастья минуты, летят,

И не знали, что горе идет
И несчётные годы утрат.
И теперь вот, один в тишине,
Затянувшись чужим табаком,
Я гляжу — это чудится мне —
Снова с ним мы рыбалить идём.
Скоро солнце над степью взойдет,
Поплавки разглядеть нелегко,
И смущенно виляет хвостом
Зашуршавший кугою Жако.
Да, красавец он, мой фокстерьер,
Настоящий собачий герой
Он в курятнике ловит хорей,
Он на сусликов ходит со мной.
Эх, прошли, пролетели года,
В полстолетья я всё растерял,
В жизни этой лишь тот преуспел,
Кто хвостом неустанно вилял.

МОТИВ С ИЗАРА

Улыбается редко баварское солнце
И холодные сеют в тумане дожди . . .
Затопи потеплее. Сядь поближе к оконцу
Закури свою трубку.
Надейся.
И — жди!
В пелене дождевой скрылись долы и горы
И небесные слезы бегут по стеклу,
Затуманенным взором иные просторы

Разглядеть постарайся сквозь давящую мглу.
Догорает свечи огонек полупьяный,
В нем утеха для старой усталой души,
Не спускай с него глаз.
В этот час окаянный
Дотерпи!
Пистолетом
огонь
— не туши!

НАШИМ УБИЙЦАМ

После дела в Лиенце о вашей культуре
Спорить нам не придется, конечно, ничуть,
Вы клянете Адольфа, но в этой фигуре
Отразилася Запада общая суть.
Не толкуйте вы нам о Шекспире и Бахе,
Нас пустыми словами никак не пронять,
Вы в Тироле с убитых снимали рубахи,
В Юденбурге вы мертвых везли продавать.
Сколько трупов уплыло по Драве и Муре,
Сколько вами убито средь ущелий и скал,
Столько стоят рассказы о вашей культуре
Показавшей в Шпитале свой зверский оскал.
О Христе не бубните, не гнусите о братстве,
Это только набор ложью протканных слов.
Крепко двери заприте в Вестминстерском
аббатстве
И на них напишите имена казаков.
Тех, кого «килевали», кого раздавили,

Всех, кто выдан был вами в Москву на убой,
И итог подведите — сколько вам уплатили,
Сколько вы поджили́сь на работке такой.
Вы стараетесь наши последние звенья
Уничтожить с лица онемевшей земли,
Пригото́вьтесь стрелять. Мы же, полны презренья,
Подадим вам команду: «Готовсь! Сволочь — пли!»

ЭМИГРАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Горе свое горькое
Болтовнею лечишь,
Часто перед свиньями
Мелкий бисер мечешь.
И хвостом виляючи
Смотришь в очи панские.
Доля твоя, долюшка,
Счастье эмигрантское.

МЮНХЕНСКИЙ ГЛОКЕНШПИЛЬ

За час до полдня проснется фея
Махнет незримым своим жезлом,
Затрубят трубы, флаги зареют,
Пред королевой и королем.
Шуты́ и ду́рки, в веселой пляске,
Визжа объявят про новый пир
И он воскреснет в волшебной сказке
Средневековый лихой турнир.
Бесстрашен рыцарь с флажком на пике,
Закован крепко в стальную бронь,

Под ним играет, под свист и крики,
Соратник верный, бесценный конь.
Противник тоже такой же смелый,
И так же блещет в лучах броня
И под попоной, как сахар белой,
Нет удалее его коня.
И вот схватились. Взревели трубы,
И брызжут искры из-под копыт.
А королева вдруг сжала губы . . .
И первый рыцарь уже убит!
А конь умчался с пустой арены.
Храпя. В испуге. Почуя кровь.
И пыль покрыла ошметки пены.
А королева — смеется вновь.
Волынки взвыли. Гремят набаты.
Труба о счастьи земном поет,
И дуют пиво в шатрах солдаты,
Подвыпив пляшет простой народ.
Король пирует в своих палатах
И хочет, хочет решить вопрос:
Убитый рыцарь . . . на сердце, в латах,
Чью прятал тайно он прядь волос?
Король пирует в своих палатах
В глазах супруги ища ответ:
Убитый рыцарь . . . зачем же в латах
Он королевы хранил портрет?
Король умеет сдержаться в гневе,
Смеется, шутит, не хмурит бровь.
. . . .
Вот вам и сказка о королеве.
О тайне смерти. И — про любовь.

ДОНУ

До последней улыбки, до последнего слова
До последнего вздоха вспоминать о тебе,
Не отречься от нашего права людского,
Не кориться преступной дурацкой судьбе.
Помнить веру отцов и казачьи преданья,
Славы дедов своих никогда не забыть,
Не клониться пред здешней торгующей рванью
И степной нашей Правде бесстрашно служить.
До последней улыбки, до последнего вздоха,
До последнего слова молиться за тех,
Кто погиб от ударов холопов Молоха,
Кто, подстреленный в Альпах, свалился на снег.
До последнего вздоха, до последней улыбки,
До последнего вздоха по стéпи тужить,
И о них, о несчетных о Божьих ошибках,
Там, в заоблачном мире, с Ним самим говорить.

БЕДНЫЙ ПОЭТ

Нанесло, напуржило по Баварии снега,
Заливает окно с голубинкою свет . . .
С кружкой пива сижу под картиной Шпицвега,
Невеселой. С названием «Бедный поэт».

Лишь тюфяк на полу. Ни стола. Ни кровати.
За какие, за чьи он наказан грехи,
Что в тряпье и лохмотьях, в нетопленной хате,
Ничего не заметя, все же пишет стихи?

Ах — он умер давно. В прошлом, видно, столетьи.
Безымянный. Забытый. Ненужный поэт.
И стихи его, нет, не запомнили дети,
И могилы его не найдете вы. Нет.

За окном чердака проносились ненастья,
Королевства рождались. Отправлялись на слом.
Но отведал он, смертный, великого счастья,
Вместе с музой водить по бумаге пером.

Рифмы — прямо с небес долетевшие звуки,
Что хоралы нездешние чудно звенят,
И поймавшие их перезябшие руки,
Ставят в чёткий, прелестный, блистательный ряд.

Позабудется все как туман сновидений,
Знаю — он, Повелитель несчетных светил,
Бог — единый великий лирический гений,
Эти рифмы поныне еще не забыл.

КОНЕЦ СТЕПАНА

Кулаком ударил он о стол дубовый
И вином плескаясь, жалобно звеня,
Покатились на пол полные яндовы . . .
«Что же, признавайтесь, кто предал меня?»

«Тю, поглянь, бзыкаить! Ну мы сами знаем,
Почяму мы ноне стали как яжи!
Ты не шароварьси! Враз мы взналыгаем!
Да чяво там, братцы! Бей яво! Вяжи!»

Кандалы. Солома. Каменные своды.
Келья в Спасской башне. И наряд стрельцов.
Вот она награда, за мираж свободы,
Вот и благодарность братьев-казаков.

Лучшие погибли. Не понять Степану
Почему же только верные легли?
Почему и сам он весь в кровавых ранах
А сильна сволота по лицу земли?

Из губы разбитой капает, сочится,
В горле комом темным запеклася кровь,
Росною полынью слезы на ресницы
Безудержно льются, набегают вновь.

Горько. Слишком горько. Он душою гордой
С дрожью отвращенья вспоминает их:
«Злобные тупые бешеные морды . . .
Господи-Иисусе — казаков! Своих!»

Все отдал он Дону. Все отдал он Воле,
И за это ими выдан на Москву . . .
Эх, Степан, в казачьей вековечной боли
Мы в мечтах пируем. Гибнем наяву.

ХАЙДИ

В душе моей, невянущей леваде,
Я сохранил мои степные сны.
Когда уйду — не подходи к ограде,
Меня не жди — я сжег свои челны.

Не ворочусь. Как шум листвы опавшей,
Как тихий свет затухнувшей зари,
Как ветра вздох над заснеженной пашней,
Ты про себя «Прощай!» проговори.

Будь весела. Тебе пусть счастье снится.
Не вспоминай ни жесты, ни слова.
Сумей прожить, как в поднебесье птицы.
Как лес. Как луг. Как сочная трава.

ДА — ОШИБАЛСЯ!

О чём сказать? О клевете?
О лжи? О подлости? Не знаю!
Ах — вы совсем, совсем не те,
И я несбывшейся мечте
Стихи последние слагаю.
Под пролетарско-дикий вой,
И ядовитой злобы пену,
Стою с поникшей головой
И жду ее — Господню смену.

Да — хам сильней. И нет, не мне,
С ним спорить, биться иль тягаться.
Одно осталось — поскорей,
Руки не давши, распрощаться.
Ты догорай, моя заря.
И хоть степною верой связан,
Сниму трухмёнку, говоря:
«Да. Ошибался. И — наказан!»
Проходит жизнь. Года ушли.
Давно, давно к вечерне звонят.
Свершилось. Наши же нули
Идею нашу похоронят.

ЗАПАДНЫМ ПОЛИТИКАМ

Не удивляйтесь что вас бьют.
Вы получили по заслугам,
Орали вы на целый свет
Хвалясь московским вашим другом.
Но «добрый Джо» издох в Москве.
Собачья смерть лихой собаке.
В испуге долго ждали вы
Конца кремлевской гнустной драки.
И вот, в российском трепаке,
Никита выскочил на сцену.
На ваш восторг ответил он
В Берлине вам построив стену.
Чем дальше в лес, тем больше дров:
На Кубе, в Африке, в эфире,
Растет ваш список дураков
И всё теснее в вашем мире.

Взлелеян вами красный хам
И он плюет вам прямо в рожи.
Руками ваших же ослов
Он вас спокойно уничтожит.

ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Он спит — Тарас. Пускай его мечтанья
Звенят ему в могильной тишине.
Дорогой зла, *шляхом росчарува́ння,*
Долиной слез пришлось пройти и мне.
Горят огни. Молчат чужие хаты.
И ветер злой под ноги стелет лист.
Пою один. Мелодией крылатой
Я, как и он, в моих напевах чист.
И унеся в далекие скитанья
Степной сполох как дедовский завет,
Так как и он, одним я жил желаньем,
Как и ему, светил мне тихий свет.
А что ж Тарас? Его-то — *поховали!*
И — не восстали. Пусть же крепко спит!
А что же мы? Кому повем печали
Того кто пал поверженным на щит?
И все ж не ей, не дикой вражьей своре,
Позамутить чудесный мой родник.
В дни страшных бед, в годины зла и горя,
Я, как Тарас, в огне к нему приник.
И полон тем, что ковыли шептали,
Уйду, сказав последний мой привет:
«Вас больше нет, лазоревые дали,
И мне без вас здесь тоже жизни нет».

МОЯ ОБЕДНЯ

Он все ближе— рубеж последний
И все глуше сердца ход . . .
Что ж, спою-ка свою обедню,
Помяну мой чубатый народ.
По холодным, по странам далеким,
Расплылись неприветные дни,
Всех, кто был на земле одиноким,
Боже праведный — их помяни.
От Твоей от механики страшной
Душу нашу, нас малых, — знобит.
На Дону
казаки
— не пашут!
И заглох перестук копыт.
Проиграли мы, что ж, признаюсь,
Веру старую нашу любя . . .
А у них?
— Лишь злобно ругаясь,
В гроб и в жисть
— поминают Тебя.
Всё пожгли . . . и все — перебиты . . .
Мы ж, остатние, — ночи не спим!
Никчему нам планет орбиты,
Нам душой бы остаться — с Ним.
Да, остаться! А Он-то где же?
Почему всё молчит да молчит?
Каждый наш, он жизнь свою — не жил,

А считал лишь чётки обид.
Те обиды — в крови́ засохшей . . .
Аль Ему на кровь — наплевать?
Аль забыл Он
— о Ней
— продрогшей,
Про свою
— у Голгофы
— Мать?
Эх! Обедня моя — иная!
Не молюсь я, а я — ропщу!
Смерть степного Казачьего Края
Никому — ни Ему — не прощу!

БАВАРИЯ

Дней прошедших помянув наследство,
Эй, проснись, Баварская земля!
Стань опять, как раньше, королевством,
Выбери себе ты короля.
Чтоб он мудро, весело и просто,
Управлял. А закативши пир
Всем своим, а также Zuagroaste
Раздавал бы пенистый Freibier.
Старички чтоб трубочки курили,
А на горной на лесной меже
Ваши Buam верно бы служили
В коннице, в полках Chevaulegers
Ну а Madln, стройные как ели,
Кавалеров подобрав под масть,

Расплясавшись как в лихой метели
Wiener Walzer танцевали всласть.
Хороша Бавария как сказка
И хоть жизнь моя — чертячий Spott
Солнце это радовало лаской,
Потеснившись принял нас народ.
И теперь, почуяв что немного
Мне осталось на Изаре дней,
Я прошу о счастии у Бога
Для вот этой родины моей.

TECHNISCHE HOCHSCHULE

Дни умчались в Лету, навсегда минули,
Я с тобой простился, Technische Hochschule.

Моему народу снился сон о Воле,
За нее я вышел с карабином в Поле.

Бился там и спорил. Думал — жил недаром.
И за полстолетья стал я — кочегаром.

И на вахтах долгих — ночью, днем зарею —
Пел всё то, что слышал над моей рекою.

Пролетели годы, я со всем расстался,
Голос мой усталый смолк и оборвался.

И теперь баварских Spezi вспоминая
Затужил тоскуя по Родному краю.

Дни надежд и веры навсегда минули,
Их сгубило время, их порвали пули.

. . . .

Дон, прости, родимый. Lebe wohl Hochschule.

НЕ НАЙДЕННОЙ

Есть она на земле. Есть. Ее я — найду!
И зажгу для нее в поднебесье звезду.

И тогда, высоко улетев к облакам,
Сброшу эту звезду ей к ногам. Ей — к ногам.

Из семи самоцветы достану морей,
Чтобы свет отражали из синих очей.

Из цветов из степных подобравши узор
Ей под ноги сотку пёстрый чудо-ковер.

Мириадом волшебных чарующих слов
Напишу ей венок из поющих стихов.

Для нее! Только той, что всю жизнь, как в бреду,
Всё ищу и ищу. И — никак не найду.

НАТАШЕ

Ты говоришь, чтоб я звонил...
Конечно позвоню я, детка.
А дождь идет. И серебро
Бежит живой струей по веткам.
Там, за окном, задумал клён
В такт ветру весело качаться...
Всю жизнь я верил, пел и ждал,
Пора подходит расставаться.
Ложь пробежавших дней пустых,
Надежд, стихами не опетых,
Не помяну. А ветер злой
Листает мокрую газету...
Я — позвоню. Поймешь ли ты,
Что страшен будет зов последний?
Уйдут в туман мои мечты.
Обрывком прерванной обедни.

РАЙ

Рай? Ах — это скорый поезд
Из вагонов-ресторанов,
Что несется в бесконечность,
Улетая от земли.
Там получите вы вволю
Всё чего вам так хотелось,
Что при жизни не имели,
Получить вы не могли.

Он несется по Вселенной,
Сыпет искры на созвездья,
И мелькают там планеты —
Полустанки за окном.
А на станции на каждой
Неизвестные народы
Встретят пляской вас и пеньем,
И цветами, и вином.

Так — проносятся столетья . . .
Вы же — ждете, ждете, ждете:
Вот, на станции на новой,
В этот самый светлый год,
Вы ее в толпе веселой
Угадаете внезапно . . .
И походку. И прическу.
И головки наклоненной
Так знакомый поворот.

Распахнется дверь вагона,
Засвистит кондуктор громко
И увидите сиянье,
Синеву прекрасных глаз.
И войдет она! И глянет.
И подарит вас улыбкой.
А потом — протянет руку . . .
Да! И — сядет против вас!

Поплывет перрон в туманы,
Полетит ваш поезд дальше,
Вы ж, от счастья и восторга,

Что вы сможете сказать?
Ах — прекрасно было верить,
И надеяться на встречу,
И любить тебя безмерно,
И с уверенностью ждать!

Но — несется поезд дальше
И ритмично бьют колеса
И отсчитывают быстро
Что ни станция — то год.
А в конце дороги этой
К ней, заветной остановке,
Засвистев на повороте,
Поезд плавно подойдет.

Позабывши жизни муки,
Здесь возьметесь вы за руки
И друг другу в очи глядя
Вы сойдете — в тишину . . .
И поймете, что при жизни,
И что после смерти вашей,
Вы одну ее любили.
Лишь ее. Ее — одну.

МУЗЕ

Вот и ты — ну что ни год, то реже
То короче твой нездешний свет,
А уйдешь — в печальных строчках нежит,
Тихо светит говорящий след.

Широко открытыми глазами
Ты глядишь на перепляс ветвей
И молчишь. Не сказанное нами
Завтра в песне я найду моей.

Помяну ушедшее я снова,
Жизни этой злую кабалу...
Каб не ты, так я бы, право-слово,
Волком взвыл, усевшись на полу.

Никого... Стихов живые строчки
Это всё, что мне судьбой дано,
Ты уйдешь и я поставлю точку
Перед тем, как тьма зальет окно.

ВЕТЛА

Что-то быстро лопочут часы на ходу
И звенит тишина в курене,
Но упорно на что-то надеюсь и жду,
Все равно — наяву иль во сне.

Снятся наши следы на прибрежном песке,
И камыш, и позёмка, и лед,
Слышу ветра напевы в примкнутом штыке
И по льду через Дон переход.

Вспоминаю теперь — подседлавши тогда
Ускакал за полком казаков,
И спалил я мои молодые года
На костре из казачьих голов.

Дон, Кубань, Ергени, Усть-Медведица, Сал
Погорели в проклятом огне . . .
Нерушимым остался степной идеал
Путеводной звездою во мне.

Ничего мне судьба на земле не дала,
Только с музой моей разговор . . .
И стою, обожженная громом ветла,
Ожидая грядущий топор.

НОЧЬЮ

Устало на руку легла голова,
Лопочет будильник пустые слова,
Торочит о прошлом, спешит и спешит
И сучит суровую нитку обид.
Петляет по жизни туда и сюда,
Ушедшие в Лету считает года,
Трещит безумолчно о глупой судьбе,
Проигранных битвах в неравной борьбе.
О вере. Мечтаньях. Надеждах. И — снах.
О днях безотрадных. Бессонных ночах.
Толкует о том, что и этот вот год,
Как все, незаметно и быстро пройдет.
И новый наступит? А что же потом?
Под солнцем. В тумане. В пыли. Под дождем
Склонюсь, упаду у предельной черты
Угаснувшей искрой казачьей мечты.

ГОЛОСУЮ — ЗА!

Выпью рюмку за боль и разлуку
И устало закрою глаза . . .
Тишина. Поднимаю руку.
Голосую — За!
За ушедшие дни и минуты,
Полстолетнюю нашу любовь,
И за руки порвавшие путы,
И за нашу священную кровь.
Но не только за эти за руки,
А и сердца размеренный ход,
Что повел на скитанья и муки
И меня, и мой славный народ.
Догорают последние зори,
Всё короче бегущие дни,
Все смешалось — и радость, и горе.
Боже Праведный — Степь помяни.
Ты в созвездий своем океане
Наши малые зришь ли пути?
Мы на них никогда не устанем,
Будем петь и — идти и идти.
Твоего не взыскуем мы рая,
С нами вера, тоска и слеза,
Мы за войско Донское шагаем,
Голосуем по-прежнему — За!

ВЫБИРАЛИ МЕНЯ

Выбирали меня атаманом,
Приходили с надеждой в глазах
И не выпив, изгнанием пьяны,
Пели песни о древних степях.
О преступно растраченных силах,
И о павших в неравном бою,
О несчетных, безвестных могилах
И о рабстве в Родимом Краю.
А потом — межь собой говорили
Про левады. Жнитва. И поля.
Эх — они-то, бывало, косили,
Эх — блестела под плугом земля.
А когда о конях вспоминали,
Замолкали. И хмурили бровь.
И вот тут-то, в бескрайней печали,
Вдруг звенело и слово — любовь.
К ним — веселым станишным девчатам,
К ним — детишкам, куге, полыну.
Тихим заводям и перекатам,
И к рыбальству на Тихом Дону.
И к щерьбе, трошки с дымом кизешным,
К энтой речке, што звалась Лавла,
И к тому, што она-то, конешно,
В первый раз, оробев, не пришла . . .
Выбирали меня атаманом
И надежду на сердце храня
Разлеглись по неведомым странам

Одиноким оставя меня.
И о них вот теперь вспоминая
Сам с собой разболтавшийся дед,
Вновь корявые рифмы слагая
Говорю, что не сдамся я — нет.

ОСЕНЬ

Зачалися осенние грозы,
И стекая на мутном окне
Побежали несчетные слезы
И напомнили прошлое мне.

Призакрылися тучами горы
И туманы в лощинах легли,
Облака, в винцерадах, дозором
Над буграми охлюпкой пошли.

Дни бегут, пролетают, проходят,
Что ж, гляди веселее, старик,
Пережил ты свое половодье
Под отчаянный чибиса крик.

И в степном опалившись пожаре,
Все отдавши лихому огню,
С винтаря заржавевшего вдарил
По заплывшему в море коню.

За тобой он поплыл . . . дальше что же?
Ах, пустые считая года,

Жизнь свою ты без радости прожил
Вспоминая тот выстрел тогда.

Часто, часто ты мазал стреляя.
Только в этот, последний-то раз,
Угодила та пуля лихая
В лошадиный испуганный глаз . . .

Зачалися осенние грозы,
Капли мутные в темном окне
Будто давние горькие слезы
По убитом под Сочи коне.

ВНОВЬ СОШЛИСЬ

Вновь сошлись они сегодня
Эти маленькие люди . . .
Перемрут, и мир культурный
Сразу, сразу их забудет.
Мефистофелей меж ними,
Иль следа творений Гёте,
Иль Шекспира, иль Толстого,
Вы конечно не найдете.
Это сеятели были,
На быках они пахали,
В степь, весной, зарею ранней,
Помолившись выезжали.
И блюдя обычай древний,
Дон седой любя без меры,
Бились долго и кроваво
За свою святую веру.

И ушли. Навек оставя
Славных прадедов могилы,
Вера их в казачье Право
Их навеки погубила.
А культурный мир, в союзе
С тем, кому правёж не внове,
Перебил их. Строить начал
Жизнь свою на ихней крови.
Уцелевшие, сбираясь
Раз в году в чужом Тироле,
Говорят Творцу на небе
О своих, о страшных болях.
Я слыхал молитвы эти
И играл я с ними песни,
Понял я — нет больше жертвы,
Веры в мире — нет чудесней . . .
Все пройдет, растает, сгинет
Как туманы по-над Дравой,
Но по Альпам песни эти
Прозвучат казачьей славой.

СЧАСТЬЕ ИДИОТОВ

Братцы! Убивайте! Мертвых забывают,
За безвинно павших здесь никто не мстит.
Города и села, храмы разрушайте,
Наносите людям тысячи обид.
Пусть идеек ваших ветер бестолковый
Разнесет, завеет бугорки могил.
Поведет вас в драку проповедник новый,

Кормчий и апостол вновь открытых сил.
Вместе с ним кладбища дружно затопчите,
Тут же песни спойте те, что вам свелят,
В кучи, в толпы, в массы дружно соберитесь
И ура орите ставши к ряду ряд.
Попалив остатки старых поселений,
На корню пшеницу, и сады, и лес,
Вы для пионеров и для комсомола
Напишите сразу бодрый марш «Прогресс»,
А потом — авралы, пятилетки, стройки,
И годков за сотню сможете понять,
Что без крови этой, без убийств и драки,
Всё бы можно сделать лет за двадцать пять.
Ежели ж кто гавкнет, выразится матом,
Придираться станет к случаю сему,
Вы его — повесьте. К стенке. На Колыму.
В желтый дом. В могилу. В лагеря. В тюрьму.
Все тогда поверят в новые идеи,
И что в них, идеях, тысячи чудес.
Вы ж поставьте толпы в стройные колоны
И сыграйте снова бодрый марш «Прогресс».
И пойдут за вами и полки, и роты,
И ура вам снова прокричит народ...
Так ведите ж дальше к счастью идиотов
И они поверят, что оно — придет.

МОЯ ТРОПА

Просыпал поезд под откос
Пустую болтовню колес,

И вырвал светом из окон
И луг, и дол, и голый склон.

Унес с собой внезапный шум,
Не заглушив ни грез, ни дум,

В полночной тишине исчез
Не разбудив уснувший лес.

И снова поглотила мгла
Тропу, что к рельсам привела.

А дикий переплет корней
И камни острые на ней

Мне говорят:
«Остановись!»
Но нет!
Над всем
я чую
— высь!

И только, только потому
Кричу надсадно в эту тьму:

Там — звезды!
Небо!
Жизнь моя!
Не стану я! Не стану я!

И спотыкаясь как слепой
Иду, иду с моей мечтой.

До станции хочу дойти
Где поезд — на моем пути.

Стоит. Стоит в сияньи дня.
И ждет.
И — ждет!
Меня!
Меня!

Туда спешу, найти ответ,
В одном
великом
вечном
— Свет!

ЛИСТОПАД

Зальцбург.
Ночь.
Горят они на небе
Звезды — усыпальницы планет.
Стынут в жуткой непонятной требе
Миллионы неподвижных лет.

Ах, теперь бы —
человека
брата
Встретить здесь . . .
Всю ночь и до зари
И весь день, до нового заката,
С ним идти бы. И — не говорить.
Слушать лишь как листья под ногами
Будто в сказке шепчут и шуршат,
И поверить, что над всеми нами
Есть он где-то
Светлый вертоград!
И понять:
что понимать — не надо!
А что листьев золотой поток
Принесет минутную отраду,
Запуржив неотвратимый срок.

РАДУГА

Ах, живут хорошо лишь цветы на лугах,
Да камыш, да куга, да деревья в лесах.
В синем небе — орел. Да олени в степях.
Да кувшинок семья на зеркальных прудах.
Без надежды и дум. Без любви и мечты.
Лишь хваленью отдавшись земной красоты.

МАСТЕРСТВО

Судьба дурит, судьба смеется
И ранит. Ранит. И тушит свет.
Пусть плачет сердце, но бьется, бьется.
И верит, верит в полет комет.
Полет быть может совсем бесцельный,
Не это важно, а важно — жить.
И в мире страшном и беспредельном
Уметь забыться и позабыть.

ПРОЩАЙ

Говорил с тобой я, разговаривал . . .
Не заметя, что в несчетный раз
Глупо и бездумно разбазаривал
Сердца старый золотой запас.
Верилось — прекрасней и чудесней
Солнце Альп в глазах твоих блеснет . . .
Понапрасну . . . В одинокой песне
Снова славлю новый мой уход.
Но когда твое заслышу имя
Будто гуще станут облака . . .
И ищу просвета между ними,
И за трубкой тянется рука.

ПРЕД ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Перед дверью закрытой так много сомнений,
Ведь никто из ушедших не вернулся назад!
Но он есть безусловно — нам неведомый Гений
И его это звезды на небе горят.
Лишь явившись туда мы поймем мирозданье
И откроются наши в восторге глаза,
По иному оценим земные страданья
И зачтется нам каждая наша слеза.
В мир иной, мир прекрасный, мир радости вечной,
Приведет нас искус одиноких могил,
И казачий напев в высоте бесконечной
Зазвенит равноправным в хорале светил.

СКОЛЬКО ИХ

Сколько их — хороших. Сколько их — пригожих.
Не взглянув прошедших, пробежавших мимо . . .
Сколько дней дождливых и ночей бессонных,
Сколько ран болючих, злых, невыносимых.
Сколько веры было, сколько солнц светило,
Сколько музой былей неопето было,
Всё снесу с собою, в те, иные дали,
Чтоб рассказ об этом звезды услыхали.

В ДЕНЬ УХОДА

Что же, что скажу я, в этот день — ухода?
Жило мое сердце для мово народа!
И от страшных болей перестало биться,
Не смогло не верить, не смогло смириться.
И ушло навстречу тем, иным туманам,
Так же как при жизни сном о Воле пьяным.

НА ПРОСЕЛКЕ

Темен он, нехоженный проселок,
Мертвые не светят фонари,
Безнадежен, безотраден, долог
День без света, солнца и зари.
Говорят, что здесь, в подлунном мире,
Есть такие, что смеются всласть.
Говорят, что высоко в эфире,
Есть святая праведная власть.
Может быть. Я ж — ничего не знаю . . .
И вот здесь, на скошенном лугу,
На ветру былинки сосчитаю,
И камыш на тихом берегу.
Сны мои, что непрестанно снятся,
Разогнать их надо, разогнать,
И, конечно, нужно постараться
Ничего ни от кого не ждать.

Проще так. И замечать не надо:
Снег иль дождь. Иль ветер и мороз.
А в потерях отыскать отраду
И утеху от горячих слез.

В МЮНХЕНСКОМ РЕСТОРАНЕ

Leberknödelsuppe. Рядом же в стакане,
Красное бургундское вино.
Моника! В дешевом ресторане
Знаешь ты давным меня давно.
Ей — семнадцать. Верьте иль не верьте,
Мне же вовсе, ах, — наоборот:
Насчитали ангелы и черти —
Семьдесят и первенький пойдет!
И теперь, как ни крутил Гаврила,
Поезд мой повсюду опоздал . . .
Не исправить то, что в жизни было,
Не найти ни пристань, ни причал.
Кажется мне, что вот в этом крае
Полыном лишь рюмочка полна . . .
Моника улыбчиво кивает,
Наливает терпкого вина.

ОНЕ IAM SATIS

Нет, я не был убийцей и вором,
Нет, я не был бездушным злодеем,
Почему ж затуманенным взором
Всё ищу, а найти — не умею.

Жизнь бессмысленно-глупо промчалась
В кошмаре полудикого танца,
Ничего, ничего не осталось
Lasciate ogni speranza.

Мне любовь, и надежда, и вера
Путеводной звездою горели.
Обманули. Исполнится мера
В звуках близкой последней свирели.

Часто, часто его вспоминаю:
На коне. И в доспехах. Испанца.
Оглянусь — пустота. Повторяю:
Lasciate ogni speranza.

Степи, степи. Моя вы недоля,
Мой народ, по тебе ли заплачу?
Схоронил я и Славу и Волю
И ее лишь узнал — неудачу.

Пролетели без счета мелькая
Вереницы разъездов и станций
И колеса стуча повторяли:
Lasciate ogni speranza.

Не видал я ни солнца, ни света,
Трупом пали, повержены боги,
И не слышно ни слова привета
При конце одинокой дороги.

ТАТАРНИК

Казак-татарник. Как репей
Растет-цветет среди полей.

Судьба ж ему, из года в год,
Сулит и смерть и перевод.

С папахой сбитой набекрень
Он славит каждый новый день

И шлет он первым по утрам
Улыбку солнечным лучам.

Душа его — стальная бронь,
Не в страх ему степной огонь,

Пусть буря рвет, ревет, гудит,
Он — устоит. Он устоит.

UMBRA VOS, ME LUMEN REGIT

Umbra vos, me lumen regit
На щите я начертаю
И поеду в путь далекий,
А куда — и сам не знаю.

В небе ярко месяц светит,
Ветер веет в грудь больную,
Кто мне скажет, кто ответит:
Почему душа тоскует?

Да — in umbra non est lumen.
Впереди заката тени.
Сказку детства заменила
Явь безрадостных видений.

Стрнишче при Птую.
Словения, 1922.

VENI, VIDI, VALE

Боже, как Твой мир чудесен!
Я пришел для новых песен.
Что там?
                Сумрак,
                                тучи,
                                        тени?
Veni,

Дон распятый умирает,
Ворон северный летает,
Боже, в души наша вниди!
Vidi.
Мало нас. Патронов мало.
Мы уходим. Сил не стало.
Море,
            темень,
                    меркнут дали
Vale.

Билеча — Герцеговина, 1923.

СЕРБ

Лапти сыромятной кожи,
В сумке — кукурузный хлеб...
Ты недаром жизнь свою прожил,
Не напрасно гордишься, серб.
Предок твой, на Косовом поле,
Натянувши лук тетивой,
Завещал своим внукам волю,
Заплатив за нее головой.
И веками в твоей Шумадии,
Вызов бросив злу и судьбе,
Бился ты за просторы лесные,
Сотни лет проведя в борьбе.
Под разрывы шрапнели звонкой,
Заглушая изгнания боль,
На быках, в шинелишке тонкой,

Отступал твой старый король.
И Албанские горы узнали
И потом передали нам:
Только там, где лучшие пали,
Воля светлая будет лишь там.

Белград, 1930.

ДУНЬТЕ ВЕТРЫ

Дуньте ветры, дуньте! Пронесите тучи,
Пусть дожди прольются на седой ковыль,
На кугу сухую, на пески и кручи,
На шляхи и тропы, на полынь и пыль.
То не капли — слезы. То не ветры — думы,
Что отсюда мчатся друг за дружкой вслед.
То от нас от сирых, мрачных и угрюмых,
Верящих и ждущих Донщине привет.
Дуньте ветры, дуньте, вихрем пролетите,
Взбудоражте мысли всех кто там живет!
В бойне уцелевшим крадучись шепните:
«Ваших мук безмерных час последний бьет».
Пронесися ветер, разметая тучи,
Разожги надежды, братьев всполоши,
Мы идти готовы на призыв могучий,
И храним для боя наши палаши.

Белград, 1937.

ЗАВЕТ

Коли Бог молений тайных не услышит,
И на хутор вовсе не вернуся я,
Обращуся к людям — недругам и братьям,
Ни тоски, ни вздоха, слез не затая:

Передайте детям, расскажите внукам,
Что в земле далекой спит степной поэт,
Что душа поэта горлицей летает,
И что ей покоя в мире этом нет.

Панихид священных лучше не служите,
Не просите Бога, всё ведь знает Он,
На чужбине дальней кости соберите,
Принесите кости на родимый Дон.

Их ковыль, что пухом, ласково прикроет,
И дожди прольются из весенних туч,
Странника Всевышний в мире упокоит,
Солнце на могилу бросит светлый луч.

Вот и будет — счастье. Вот и будет — радость.
От тоски не дрогнут тени мертвых вежд.
И просвищет ветер про потерей сладость,
Про утрат утеху. Скорбь пустых надежд.

Белград, 1937.

НАДЕЖДЫ

Где казачья доля? Где степная слава?
На Дону родимом никнут ковыли,
На левадах сохнут, увядают травы,
Вербы опустили ветки до земли.
Перелетной птицей взвиться бы за тучи,
Хоть одним бы глазом глянуть на луга,
На волну донскую, меловые кручи,
И послушать снова как шумит куга.
Или ночью темной на копне душистой,
Позабыв о горе, звезды перечесть,
Соловьиной песни трели серебристой,
Плачем захлебнувшись, не стерпеть, не снесть.
И слезы сыновней не стыдяся боле
Землю дедов наших как родную мать,
Что врага терпела в окаянной доле,
В неизмерном счастье трепетно обнять.
Гей, вы, казачата, ай зарей не слышно:
«На Дону родимом кони наши ржут!»
Гей вы, казачата, аль не шепчет сердце:
«Степи нас с похода не дождутся — ждут!»
Засинеют да́ли.. Дон блеснет в тумане.
Соберитесь с силой встречу перенесть.
Чтоб в последней схватке за родные грани
Постоять за веру, волю, славу, честь.
Гей, вы, казачата, али вам не слышно?

Я зарею слышу — кони наши ржут!
Гей вы, казачата, скакуны донские
Чуют, что с похода казаки придут.

Белград, 1939.

ПУТЬ

В дни, когда страны распались крепи,
Я ушел, скрывая боль в груди.
Мне шепнули ковыли в степи:
«Уходи!»
Сочи. Гагры. Поти. Цихис-Дзири.
Горы ль там, иль тучи впереди?
Услыхал в певучем я зефире:
«Проходи!»
Крым. Царьград. Албания. Требинье.
Кто же вас, запомня, затвердит?
Проскрипел мне снег в Герцеговине:
«Проходи!»
Пролетели годы чередою,
Безотрадно продолжался путь,
Так хотелось над Дунай-рекою
Отдохнуть.
Но — взметнулись новые сполохи,
Снова вьюга, обозлясь, гудит.
Шепчет снова ветер на дороге:
«Походи!»
Что ж. Иду. За мной — воспоминанья.
Тени. Лица. Шепчут. Говорят.
Города без капли состраданья

«Проходи», — безжалостно твердят.
Но — едва-едва плетутся ноги,
Мгла и слезы застилают даль.
Скоро-скоро прибреду к дороге,
На которой — несть печаль.

Прага, 1944.

ЗАВЕЩАНИЕ

Н. Раич. Вольный перевод с сербского.

Скоро-скоро она, долгожданная смертъ,
Подойдет к куреню моему.
У порога она постучит моего,
Распахнет эту злую тюрьму.

Жизнь мою навсегда, навсегда оборвет
И от рабства земного навеки спасет.

В церковь вы не носите напрасно меня:
Сколько Бога при жизни я звал,
Ах, ни разу не внял Он молитве моей,
Никогда Он меня не слыхал.

И свечи не кладите в скрещенных руках,
Они были при жизни моей — в кандалах!

На кладбище снесите меня поскорей,
В темной яме глубокой мне будет теплей.

Всю-то жизнь я о солнечном свете не знал,
Бог в тепле мне при жизни моей отказал.

На могильном холме вы не ставьте креста,
Был распят я при жизни моей,

А повыше, побольше, до самых небес,
Навалите вы груду камней.

В день, когда страшный суд свой Господь изречет,
Соберет вас, ваш праведный Бог,
Чтоб от тяжести их я не встал из земли,
Чтоб подняться я вовсе не смог.

Не садите вы роз на могиле моей,
Пусть там горький полынь расцветет,
Потому что вы зов не услышали мой,
И за мой не боролись народ.

Белград, 1944.

НИКОЛАЮ КЕЛИНУ

Пьян тоской безмерной и нездешней,
Глубоко отчаянье тая,
Снова, путник и чужак заезжий,
Прохожу безвестные края.
Собрались березки над рекою,
За плотиной мельница шумит.
С камышем, засохшею травою,

Перекат болтливо говорит.
Говорит о счастье невозможном,
А на небе — блекнет бирюза.
Пред крестом не стану придорожным,
От распятья отведу глаза.
Суетятся утки перед ставом,
Шелестит опавшая листва,
Горьким ядом, полыном-отравой,
Замутившись никнет голова.
Молча дремлют ели над водою,
На кресте поник умерший Спас.
На каштане, росною слезою,
Вижу горе чьих-то карих глаз.
Что-то в горле будто комом стало,
Что-то сжало, придавило грудь,
С дуба в речку два листка упало
И уплыло в неизвестный путь.

Желив — Чехия, 1945.

КРЕМЛЮ

Те, что могут быть рабами,
Все пошли на сделки с вами.

Мой народ, в борьбе кровавой,
Пал, покрытый вечной славой.

Злую Кремль готовит долю
Всем, кто видит сны о Воле.

Регенсбург, 1945.

АМБЕРГ

Крест на церкви меж елей горит,
Мост и башни окутал туман . . .
Кто же мне в тишине говорит,
Кто мне шепчет про ложь и обман?
Разбрелись в синеве облака
На развилке нетоптанных троп,
И бессильно прижала рука
Подорожник росистый на лоб.
Чьи-то в море плывут корабли,
Чьи-то взоры обрадует даль . . .
Не уйти мне из этой земли,
Не развеять по свету печаль.

Бавария, 1947.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

В дыму, в огне, сойдя с реки
Я пил и пел. Писал стихи.

Средь городов чужих и сел
Искал я клад. И — не нашел.

Всё растеряв, одно не дам:
Любовь мою к моим степям.

И веру в то, что вечен свет,
Что Бог — лирический поэт.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

О стихах Павла Сергеевича Полякова, напечатанных ранее, я слышал мнения: «Ужасный сепаратизм!» Правду сказать, получив его рукописи, я ожидал найти в них всякие «ужасы». И нашел... здоровое, несколько, правда, преувеличенное страдание за свой вольный Дон. Но идеализирование прошлого свойственно всем эмигрантам, и Поляков — не исключение.

И я решил напечатать стихи «сепаратиста», которые в общем хороши. Во всяком случае, — не хуже стихов многих признанных в эмиграции поэтов.

Стихи Полякова может с интересом читать как эмигрант, так и читатель *там*, и не почувствует отталкивания, которое так часто вызывают и у читателя *там*, и у большинства «новых» эмигрантов нытье и витание в облаках многих признанных эмиграцией поэтов.

Напечатанные в этом сборнике стихи писались с 1958 года и выражают чувства владевшие их автором с этого года по сей день.

И. Башкирцев.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬПИЙСКИМИ ТРОПАМИ

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ